

От автора

*Евгении Николаевне и Наталье Андреевне
Богомоловым*

Основной предмет анализа в этой книге — реминисценции, цитаты в поэтических произведениях Иосифа Бродского. Термины «реминисценция» и «цитата» употребляются как синонимы и имеют широкое значение: к ним причисляются и вкрапления из «чужих» текстов, традиционно именуемые переключками, отголосками. В книге затрагивается и более общая проблема о преемственности поэзии Бродского по отношению к поэтическим системам других авторов, но не она является центральной.

Такой подход может показаться «узким», и автора книги можно упрекнуть в преувеличенном внимании к частному явлению поэтики. На возможные претензии отвечу словами замечательного исследователя, блестяще выразившего мысль о значимости анализа реминисценций для понимания художественного творчества: «Культура коллективна по самому своему существу, и каждая культурная эпоха — непрерывный процесс взаимодействия творческих усилий ее больших и малых деятелей, процесс миграции идей, поэтических тем и образов, заимствований и переосмыслений, усвоения и отторжения. Это многоголосие — форма и норма ее существования. Творчество гения вырастает на таком полифоническом субстрате; оно усваивает себе, интегрирует, преобразует чужие идеи и образы <...> и потому, например, установление реминисценций и даже цитат из чужих стихов у Пушкина и Лермонтова <...> — вовсе не бесплодное занятие. Цитата, реминисценция может функционировать в тексте как „чужое слово“ и менять в нем акценты, может дать нам материал для наблюдений над технологией поэтической работы, — наконец, она наглядно показывает нам связи великого поэта с традицией и плотность поэтической среды, из которой он вырос» (Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 5–6).

В своей книге я рассматриваю интертекстуальные связи поэзии Бродского с произведениями других русских поэтов XVIII — первой

половины XX в.: А. Д. Кантемира, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Ф. Ходасевича, Велимира Хлебникова, В. В. Маяковского. Реминисценции из этих поэтов (за исключением Пушкина, цитируемого Бродским очень часто) учтены по возможности максимально полно, хотя эта книга ни в коей мере не претендует на роль «словаря цитат». Кроме этого основного «сюжета», в книге анализируется трансформация в поэзии Бродского ряда философских традиций. В экскурсах, составляющих приложение, исследуется частный случай межтекстовых связей в рамках поэзии самого Бродского — римская тема и образ Рима («Римский текст»), а также трансформация мотивов из А. П. Чехова и «Улисса» Дж. Джойса.

На резонный вопрос, почему в книге нет глав о цитатах из сочинений поэтов, творчество которых не менее значимо для Бродского: Е. А. Баратынского, Н. А. Клюева, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, Анны Ахматовой, М. И. Цветаевой, — самым точным и честным будет ответ Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Более обстоятельно и менее искренне можно было бы ответить так: многие цитаты из текстов Баратынского, Пастернака и Мандельштама в стихотворениях Бродского уже были проанализированы; число реминисценций из текстов Анны Ахматовой у него невелико, а сходство с поэзией Цветаевой проявляется прежде всего на ритмико-интонационном и мотивном уровнях. Кроме того, некоторое число реминисценций из произведений этих и других авторов рассмотрено во вводной главе «„...Ради речи родной, словесности...“: очерк о поэтике Бродского» и в главах основного текста.

Автор книги намеренно отказался от анализа интертекстуальных связей поэзии Бродского со стихотворениями иностранных, прежде всего англоязычных, авторов (хотя некоторые реминисценции у Бродского, по-видимому, являются «гиперцитатами», отсылающими одновременно к текстам русских и иностранных стихотворцев). Также осознан отказ от анализа переключек со стихотворениями русских поэтов-современников.

Большинство англоязычных поэтических произведений Бродского мною не рассматриваются.

Художественный мир поэзии Бродского родствен художественному миру его эссеистики: разительное сходство

проявляется и на мотивном уровне, и в образном словаре. Однако эссеистика в книге не анализируется: эссе рассматриваются лишь в тех случаях, когда они выступают в роли ключа к его поэтическим текстам. Роль таких ключей нередко присуща и его интервью, которые здесь цитируются с намеренной аскетичностью.

Выбор предметом анализа реминисценций в поэтических текстах приводит к неизбежному смещению перспективы: творчество поэта предстает мозаикой «чужих слов», распадается на цитаты; анализ совершается в ущерб целостности поэтического мира и цельности отдельных произведений. Это неизбежно, хотя автор книги в меру своих сил старался выправить возникающее искажение.

Трудности, с которыми сталкивается исследователь, обращаясь к анализу реминисценций в поэзии Бродского, — двоякого рода. Во-первых, до сих пор отсутствует авторитетное издание его сочинений: существующие собрания далеки от полноты, тем более в них не приводятся варианты стихотворений. Неизвестны даты многих стихотворений (соответственно, датировки в собраниях сочинений часто условны и приблизительны). Неполнота материала и приблизительность хронологии влияют на картину поэтической эволюции и приводят к печальным лакунам в анализе. Здесь же замечу, что даты написания стихотворений Бродского в моей книге приводятся, как правило, по собранию сочинений и часто имеют условный характер. (Так, о неточной датировке «Литовского ноктюрна» в собраниях сочинений Бродского недавно писал Т. Венцлова.) Во-вторых, слабо документированы сведения о времени знакомства молодого Бродского с сочинениями различных поэтов минувших эпох. Свидетельства самого автора (весьма немногочисленные) не всегда надежны. В такой ситуации возрастает риск обнаружить неявную реминисценцию или перекличку со стихотворением, которого Бродский еще не знал. Надеюсь, что, если такие случаи и встречаются в моей книге, число их минимально.

Для обозначения всех разнообразных случаев межтекстовых связей я употребляю термины «интертекстуальность» и «интертекст». Создателем термина «интертекст» является Ю. Кристева, давшая ему следующее определение: «<...> сам будучи не чем иным, как дискурсом, получатель также включен в дискурсивный универсум книги. Он, стало быть, сливается с тем другим текстом (другой

книгой), по отношению к которой писатель пишет свой собственный текст, так что горизонтальная ось (субъект — получатель) и вертикальная ось (текст — контекст) в конце концов совпадают, обнаруживая главное: всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст). <...> ...Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-либо другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» (Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. с фр. Г. К. Косикова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 98–99).

В постструктуралистской концепции текста, одним из сторонников и авторов которой является Ю. Кристева, произведение мыслится не как относительно самостоятельный феномен, отдельный текст, но как подвижный элемент в ряду или потоке других текстов, границы между которыми размыты. Это и есть интертекст. Роль автора произведения в этой концепции редуцирована до минимума или отрицается: тексты и дискурсы существуют сами по себе, перекрещиваются и вступают в диалог, полноправным участником которого становится и читатель.

Это понимание текстов и межтекстовых связей приводит к утрате терминологического значения у такого понятия, как цитата. Свидетельство тому — высказывание другого французского семиолога, Р. Барта, относящееся к постструктуралистскому периоду его деятельности: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-нибудь другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски „источников“ и „влияний“ соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек» (От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1989. С. 418).

Понятие интертекстуальности, используемое в этой книге, не связывается с постструктуралистским пониманием интертекстуальности как игры знаков и языков, отрицающим роль автора и пренебрегающим единством текста. Автору симпатично

мнение, недавно высказанное О. А. Проскуриным: «Понимание интертекстуальности, имплицированное в настоящую книгу, отлично от господствующих ныне представлений. Там, где постструктуралисты видят мрачную (или, напротив, карнавализованную) драму поглощения субъекта языком, автор склонен видеть чудо превращения „структурного“ в индивидуальное, „текстуальности“ — в тексты» (Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 11).

Оправдывающим примером и образцом для меня послужила трактовка понятий «интертекст» и «интертекстуальность» и другими отечественными и некоторыми зарубежными учеными. В частности, Н. А. Фатеева, специально занимающаяся теорией интертекстуальности, употребляет термин «интертекст» для обозначения цитат и более сложных случаев межтекстовых связей; при этом она отнюдь не разделяет постструктуралистского/постмодернистского тезиса о «смерти автора». Она не отказывается от традиционного понимания произведения как целостного текста, отражающего авторский замысел. Понятие «интертекст» используется вне связи с трактовкой этого термина в работах Ю. Кристевой, Р. Барта и их приверженцев участниками международной конференции «Текст. Интертекст. Культура», проведенной Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, 4–7 апреля 2001 г.)^[1].

Отличительная черта интертекстуальности, как неоднократно отмечалось, — «перечитывание», реинтерпретация претекста. «Интертекстуальность не функционирует и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от Т к Т' [Т — текст, Т' — интертекст. — А.Р.] не проходит через И [интерпретанту. — А.Р.], если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты»^[2]. Как замечает М. Б. Ямпольский, «каждое произведение, выстраивая свое интертекстуальное поле, переструктурирует весь предшествующий культурный фонд»^[3]. С этим утверждением согласна и Н. А. Фатеева: «интертекстуальность становится механизмом метаязыковой рефлексии», а интертекст «позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления, мысль, объективированную до существования данного текста»^[4].

Эта характеристика носит достаточно абстрактный характер. В реальности мера «перечитывания», реинтерпретации претекстов, несходна у разных авторов, в различные эпохи и периоды. У Бродского реинтерпретация весьма значительна.

Детализированная классификация интертекстуальных связей была создана Ж. Женеттом: 1) собственно интертекстуальность (совмещение в одном произведении элементов из как минимум двух текстов — цитаты, аллюзии, плагиат); 2) паратекстуальность (отношение текста к заглавию, послесловию, эпиграфу); 3) метатекстуальность — комментирующая ссылка на претекст; 4) гипертекстуальность (осмеяние, пародирование претекста); 5) архитектстуальность (жанровая связь произведений)^[5].

Н. А. Фатеева, отметившая схематичность этой классификации, детализировала ее. Примеры интертекстуальных связей в узком смысле слова она разделила на цитаты с атрибуцией (указанием имени автора) и без атрибуции и на аллюзии с атрибуцией и без атрибуции. Примерами паратекстуальности исследовательница назвала цитатные заглавия и эпиграфы. Примеры мегатекстов, по Н. А. Фатеевой, — это пересказ или вариации на тему претекста (Н. А. Фатеева предпочитает термин «предтекст»). Характеристики гипертекста и архитектста («кросс-жанровой игры») ничем не рознятся от данных Ж. Женеттом^[6].

Я учитываю эти классификации, хотя при анализе стихотворений и поэм Бродского не разграничиваю строго разные типы интертекстуальных связей, так как при реальном функционировании интертекстов эти различия нивелируются. Например, отсылка к конкретному претексту может функционировать как случай архитектста — указания не на претекст, а на жанр или традицию, к которой принадлежит это произведение.

Фрагменты претекста, оказываясь инкорпорированными в новый текст (посттекст), приобретают в нем особенные, прежде им не свойственные смыслы. На пересечении «исходного» и «итогового» текстов рождается еще одна смысловая сфера, еще один текст, не похожий на них и одновременно им соприродный. Именно этот феномен, эфемерный, призрачный и реальный одновременно, а не произведение-текст я, в отличие от Ю. Кристевой, склонен именовать интертекстом.

Автору этих строк чуждо стремление — ныне достаточно распространенное — относить поэтические тексты Бродского к постмодернизму, усматривая их постмодернистскую природу во «вторичном» характере, в весомой роли цитаты, «перепева», подражания^[7]. Суть возражений не связана ни со значением слова «постмодернизм», каковое некоторые ригористичные филологи не признают термином, ни с декларациями Бродского, решительно отделявшего себя от постмодернистской словесности. В конце концов, важно не то, что автор говорит, а что он пишет. Существеннее, что его идея о языке как творящей силе — подлинном создателе поэзии — не созвучна постмодернистским концепциям, а восходит к весьма почтенным религиозным, философским и литературным традициям^[8]. А произведения поэта *почти никогда* не строятся как «перетекание» из языка в язык, из текста в текст, лишенное истины в последней инстанции, авторского итога. Исключения существуют (одно из них — стихотворение «Посвящается Чехову», которому посвящен отдельный экскурс в моей книге), но они, как и положено, не отменяют правил...

Некоторые из глав этой книги были прежде напечатаны как отдельные статьи в различных журналах (в том числе в «Новом литературном обозрении») и сборниках, а также в монографии «Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII–XX веков» (М.: МАКС-Пресс, 2001), изданной мизерным тиражом 100 экземпляров. При включении в книгу все они были существенно переработаны и дополнены; устранены неточности и поспешные суждения, с которыми сам автор сейчас уже не может согласиться. В большинстве случаев убраны повторы, прежде всего при ссылках на работы исследователей. Однако в ряде мест такого рода повторы сохранены, так как их устранение нанесло бы ущерб содержанию глав, каждая из которых обладает относительной цельностью (повторяются цитаты из эссе поэта, варьируются некоторые мысли автора этой книги). Стилистические особенности ряда глав — большая эссеистичность или, напротив, академическая строгость изложения, — обусловленные природой изданий, в которых эти тексты были первоначально опубликованы, я счел возможным сохранить.

Примерно половина глав книги печатается впервые.

При работе над некоторыми из статей, ставшими главами моей книги, я пользовался финансовой поддержкой института «Открытое общество» (фонд Дж. Сороса) в рамках программы Research Support Scheme Центрально-Европейского университета (номер проекта: 253/94).

Автор выражает признательность Э. Л. Безносову, А. Л. Зорину, Л. В. Зубовой, Г. А. Левинтону, А. Маймескулов, О. Р. Медведевой, В. В. Мочаловой, В. Пиотровскому, К. М. Поливанову и А. Б. Устинову за возможность ознакомиться с некоторыми труднодоступными текстами, связанными с творчеством поэта. Приятный для меня долг — поблагодарить заведующего кафедрой славистики Стэнфордского университета Г. М. Фрейдина и профессора Л. С. Флейшмана за возможность ознакомиться с работами о творчестве Бродского в библиотеке университета (Green library). Отдельная благодарность заведующему отделом библиографии библиотеки В. Залесскому за любезные консультации. Особенная признательность и благодарность — профессору В. П. Лопухиной (Килский университет, Великобритания), пригласившей автора этой книги в Килский университет, радушно принявшей его и предоставившей ряд материалов (в том числе неопубликованных), посвященных творчеству Бродского.

За помощь в подготовке рукописи к печати я выражаю признательность А. А. Блокиной.

Тексты Бродского в абсолютном большинстве случаев цитируются по первому изданию сочинений, напечатанному «Пушкинским фондом» и издательством «Третья волна»: Бродский И. А. Сочинения: В 4 т. Сост. Г. Ф. Комаров. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк, 1992–1995. Том указывается в тексте римской цифрой, страницы — арабской. Тексты, не вошедшие в это издание, цитируются, как правило, по второму изданию сочинений, выпущенному «Пушкинским фондом»: Бродский И. А. Сочинения. Сост. Г. Ф. Комаров. СПб., 1997 — (в 1997–2000 гг. вышло 6 томов). По этому изданию цитируются некоторые стихотворения и эссе, включенные в 4-й, 5-й и 6-й тома. Том также указывается римской цифрой, страницы — арабской. Для отличия отсылок на разные издания при цитировании 4-го тома первого издания после указания номера тома в скобках ставится арабская цифра 1, при цитировании 4-го, 5-го и 6-го томов второго издания

после указания номера тома ставится цифра 2. Например: IV (1); 115 или IV (2); 115.

Тексты Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Текст проверен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским. Л., 1977–1979.

Тексты Лермонтова цитируются по изданию: Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений [В 4 т.]. Под наблюдением И. Л. Андроникова. М., 1953.

Отсылки к этим изданиям оформляются так же, как и отсылки к сочинениям Бродского: том и страницы указываются в тексте; римская цифра обозначает том, арабская — страницы.

При цитировании стихотворных текстов без сохранения разбивки на строки граница между строками обозначается знаком «/», граница между строфами — знаком «//». При цитировании текстов Маяковского, написанных «лесенкой», знаком «/» обозначается граница между «ступеньками» «лесенки», знаком «//» — граница между строками.